

Иван Конопелько

Пробуждение

18+

Иван Конопелько

Пробуждение

«Автор»

2026

Конопелько И.

Пробуждение / И. Конопелько — «Автор», 2026

Последнее обычное утро Марка Седова пахнет лавандой, сиренью и свежесваренным кофе. Его жена Анжелика превращает любой апокалипсис в проблему расписания, сын Тим сражается с воображаемыми тираннозаврами, а дочь Алиса рассчитывает траектории далёких астероидов. Сам Марк готовится к финальному тесту «Хроноса» — крио капсулы, способной выдержать разрыв пространства-времени. «Страховка», — называет он этот проект. Но пока он едет на работу, слушая по радио о солнечных вспышках и экспериментах в ЦЕРНе, планета уже отвечает на вторжение невидимыми геологическими импульсами и вирусом, переписывающим саму реальность. К тому моменту, как Марк спустится в подземный бункер «Арки», обратный отсчёт до полной дестабилизации биосферы уже запущен. И первый час конца света только начинается.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Иван Конопелько

Пробуждение

Глава 1

ГЛАВА 1. УТРО ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ.

Звук, разбудивший Марка Седова в то утро, не был ни будильником, ни птицами за окном. Первый луч солнца ещё только золотил верхушки елей за окном, когда Марк проснулся. Не от звука, а от ощущения. Тёплое дыхание на своей шее, рука Анжелики, лежащая у него на груди, её нога, запрокинутая поверх его голени. Он открыл глаза, и мир вернулся к нему целиком и сразу: запах её кожи, смешанный с ароматом лаванды от постельного белья, тишина спящего дома, бархатная темнота за шторами. Он повернул голову. Анжелика спала, её лицо лишённое дневной собранности, было удивительно юным. Рыжеватые ресницы лежали на щеках. Он не удержался, прикоснулся губами к её виску. Она прошептала что-то невнятное, не просыпаясь, и прижалась к нему сильнее. Именно тогда, в этом полусне, в тепле их общего тела, всё и началось. Не спеша, без слов. Как будто их тела, помнящие друг друга дольше, чем сознание, начали свой собственный, древний диалог. Ладонь скользнула по его боку, его рука нашла изгиб её талии. Это был не порыв, а медленное, неизбежное погружение. Как в тёплую воду. Шёпот кожи о кожу, прерывистое дыхание в подушку, сдавленный стон, который она прикусила, чтобы не разбудить детей. Это была не страсть отчаяния, не попытка забыться перед важным днём. Это было утверждение. Ритуал. Каждое прикосновение словно говорило: «Ты здесь. Я здесь. Мы — есть». Это была их собственная квантовая запутанность — связь, не требующая объяснений, существующая вне времени и пространства комнаты. Когда всё закончилось, они лежали, сплетённые, слушая, как возвращается тишина. Теперь она была иной — насыщенной, завершённой. По потолку побежали первые отблески рассвета. — Ты сегодня — начала она шёпотом, но не закончила. — Знаю, — так же тихо ответил он. — Но это сейчас. А мы — сейчас. Повернувшись к нему, положила ладонь на его щеку. Глаза её в полумраке были тёмными, серьёзными. Это был грохот, от которого вздрогнул весь дом. Не катастрофический, а живой, домашний, смешной. Марк, не открывая глаз, усмехнулся в подушку. Он знал, что это такое. Тимофей. Из детской раздался визгливый, полный торжества вопль восьмилетнего полковника: — Попал! Прямо в глаз! Тиранозавр выбывает из игры! Они замерли, глядя друг на друга. Потом одновременно фыркнули, подавив смех. Магия мгновения разлетелась, как мыльный пузырь, но на её месте осталось что-то более прочное и тёплое — общность. Общность двух людей, чей покой вечно нарушают вымышленные динозавры. Послышался голос Алисы, четырнадцати лет, сонный и исполненный стоического презрения: — Тим, это шесть утра. Динозавры вымерли, и твои игрушечные солдатики должны последовать их примеру. Молча. Немедленно. Марк открыл глаза. Полосы солнечного света лежали на деревянном полу, поднимая в воздух золотую пыль. Воздух пахнул кофе — Анжелика уже была на ногах. Он потянулся, позвонки хрустнули с приятной усталостью. Сегодняшний день, 12 мая 2024 года, висел в календаре его сознания жирной, обведённой красным меткой. День «Хроноса». Но здесь, в этой спальне, пахнувшей её духами и его книгами, это была просто пятница. Просто утро. Анжелика стояла у окна, закутавшись в лёгкий халат, смотрела на просыпающийся город. Их дом, двухэтажный коттедж в научном городке, стоял на холме. Внизу зеленел парк, извилялась речка, по улицам ползли, сверкая на солнце, первые машины. Мирный, довольный, не подозревающий о своём будущем пейзаж. — Они опять воюют, — сказала она, не оборачиваясь. Голос у неё был низкий, спокойный, как глубокое озеро. Марк мог слушать его часами. — Пусть. Тим отрабатывает тактику на случай вторжения тиранозавров. Это важный жизнен-

ный навык. — Только если они вторгнутся до восьми вечера, — она обернулась, и в её карих глазах заплясали солнечные зайчики. — Потому что в восемь — ужин. Ты ты точно успеешь? Вопрос повис в воздухе. Невинный, бытовой. «Ты успеешь к ужину?» А не «Справишься ли с квантовой стабилизацией?» или «Не взорвёшь ли ты сегодня мир?». Это была её магия — превращать апокалипсис в проблему расписания. Марк встал, подошёл, обнял её сзади, упёрся подбородком в макушку. Она прижалась к нему спиной. — Успею. Обещаю. Это просто финальный тест. Сверю показания, отлажу пару алгоритмов и — домой. К твоему жаркому и ихнему визгу. — Он называется «творожная запеканка», — поправила она, улыбаясь. — Их «визг» — это оживлённое обсуждение астрономических открытий и палеонтологических гипотез. — Точно. Я и забыл. На кухне царил контролируемый хаос. Тимофей, уже одетый в футболку с дипломом, с ожесточением намазывал масло на хлеб, одновременно пытаясь построить башню из кубиков сахара. Алиса, в своих огромных, как блюдца, очках, уткнулась в планшет. На экране медленно вращалась трёхмерная модель туманности Андромеды. — Пап! Смотри! — Тим, размахивая ножом, едва не снёс башню. — Я прочитал! У тиранозавра рекса было обоняние, как у двухсот гончих! Он мог учуять тебя за пять километров! — Полезное знание, — кивнул Марк, осторожно отбирая нож. — Особенно если встретишь его по дороге в школу. — А я рассчитала траекторию потенциально обитаемого астероида в системе Альфа Центавра В, — не отрываясь от планшета, сказала Алиса. Её голос был ровным, как у диктора Центра управления полётами. — Если построить корабль на ионных двигателях с КПД хотя бы в 40%, долететь можно за восемьсот лет. — Всего-то? — фыркнула Анжелика, ставя перед Марком чашку кофе. — Успеем после школы. Марк смотрел на них, и сердце сжималось от любви, острой и физической. Алиса — его тихий, не от мира сего звездочёт, с мозгом работающим на частотах далёких галактик. Тимофей — ураган из вопросов, энергии и безудержного восторга перед миром. И Анжелика, Е биолог, который мог часами рассказывать о красоте структуры РНК, а потом так же увлечённо спорить с Тимом о том, чьи зубы страшнее — мегалодона или тиранозавра. Горечь напитка смешивалась со сладким приторным предчувствием. Сегодня он активизирует «Хронос», не машину времени. Пока нет. Это слишком грандиозно. Но криогенную капсулу нового поколения, способную, теоретически выдержать разрыв пространства-времени. «Страховка», как он называл это в разговорах с Анжеликой. — Ты всё ещё называешь это страховкой? — спросила она, словно прочитав его мысли. Она собирала свой рабочий рюкзак: планшет, стерильные контейнеры, папки. — Ну да. На самый крайний случай. Посмотрев на него, и в её взгляде промелькнула тень той же тревоги, что грызла его. Но она была практиком, учёным, имеющим дело с реальными, а не теоретическими угрозами. — Наш крайний случай, — сказала она, целуя его в щёку, — это если эти двое опоздают в школу. И если твой эксперимент заставит тебя пропустить запеканку. Всё остальное — ерунда. Они вышли на улицу вместе. Воздух был свеж, прозрачен, пах сиренью и свежескошенной травой. Чистое, безоблачное небо. Идеальный день. Алиса уже надела наушники и, похоже, слушала лекцию по астрофизике. Тим нёсся вперёд, пиная камень и представляя его метеоритом. — Так, слушайте сюда, — Марк взял их обоих за плечи, остановив перед калиткой. — Алиса — звёзды, но не забывай смотреть под ноги. Тим — динозавры вымерли, но машины — нет. Осторожнее на дороге. Мама — посмотрел на Анжелику. — осторожнее с этими своими вирусами. Не подходи близко. Она улыбнулась, помахала рукой. — Все вирусы в надёжных контейнерах. А ты просто будь там, в своей «Арке», осторожнее с пространством-временем. Не порви! Они разошлись. Анжелика села в свою старую уютную машину. Дети пошли в сторону школы, Тим что-то кричал, размахивая руками, Алиса кивала с обыденной учёностью. Марк смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом. Стоя один на тихой утренней улице. Солнце пригревало спину. Где-то лаяла собака. Совершенно обычное утро. Но в кармане его пиджака лежал пропуск в подземный комплекс «Арка». А в его голове — уравнение, одна

сторона которого обещала спасение человечества, а другая пахла озоном и сталью пустоты, глубоко вздохнул, втягивая запах сирени. Запомни. Запомни этот запах. Этот свет. Этот смех.

Потом повернулся и пошёл к своему автомобилю. На работу. К «Хроносу». К точке, где это утро, длиною в жизнь, должно было закончиться. Дорога в комплекс занимала сорок минут. Ровно сорок. Марк знал это с точностью до секунды, как знал периметр своего рабочего стола. Первую половину пути он ехал по ещё сонному, но постепенно оживающему городу, любил это время. Этот переход от домашнего уюта к стерильной точности лаборатории. Слева проплывал сквер, где они с Тимом кормили уток — сейчас там одинокий пенсионер медленно вышагивал с палками для скандинавской ходьбы. Минул детский сад «Солнышко» — у ворот уже собирались первые родители с малышами, один мальчик в жёлтой куртке упирался, не желая идти внутрь, и его мать уговаривала его тихо, устало. Далее — новая стройка жилого комплекса. Башенный кран уже вращался, крошечные фигурки рабочих в касках двигались по перекрытиям. Жизнь. Обычная, шумная, местами недовольная, но неуклонно движущаяся вперёд. Остановился на светофоре. Рядом в такой же, как у него, седан серая «Тойота» задержалась на секунду, когда зажёгся зелёный. Женщина за рулём, с идеальной укладкой и напряжённым лицом, лихорадочно искала что-то в сумочке на пассажирском сиденье, ругаясь себе под нос. Опоздает на планёрку, — машинально подумал Марк. Получит выговор. Для неё сейчас это — конец света, включил радио. Громкость — чуть выше фоновой, чтобы заполнить пространство, но не перебивать ход мыслей.

«в Думе рассматривается поправка к налоговому кодексу, эксперты предсказывают» Щёлк. Переключил. «на мировых рынках продолжается рост цен на энергоносители, что связано с» Щёлк. «в Большом театре сегодня премьера балета «Анна Каренина» в постановке» почти дошёл до кнопки выключения, когда диктор сменился, и голос стал другим — менее пафосным, более заинтересованным. Научный блок. «а теперь свежие данные из мира науки. Обсерватория солнечной динамики NASA предупреждает: следующий, 25-й цикл солнечной активности, вступление в который ожидается в ближайшие месяцы, может стать одним из самых мощных за всю историю наблюдений. Учёные прогнозируют увеличение количества солнечных вспышек высшего класса X, что может привести к серьёзным геомагнитным бурям. Вспомним, что событие Кэррингтона 1859 года, сопоставимое по мощности, вывело из строя телеграфные сети по всей Европе и Америке. В нашем технологически зависимом мире последствия могут быть куда масштабнее» Марк хмыкнул. Солнечные бури. «Хронос» был экранирован от любых электромагнитных помех, хоть от прямого попадания. Но мысль о том, что где-то там, на звезде, тоже готовится свой «эксперимент», была забавной. Диктор продолжал: «а в ЦЕРНе, на границе Швейцарии и Франции, сегодня запланирован запуск обновлённого эксперимента на Большом адронном коллайдере. После двухлетней модернизации учёные намерены сталкивать пучки протонов на рекордной энергии в 14.5 ТэВ. Цель — исследование так называемой «тёмной материи» и поиск следов суперсимметрии. Критики, как обычно, выражают опасения о создании микроскопических чёрных дыр, но в ЦЕРНе такие сценарии называют научной фантастикой» «Коллайдер», — подумал Марк. Игрушка. Они бьют частицы, как молотком по часам, надеясь увидеть, как вылетают шестерёнки мироздания. Его подход был иным. Не бить, а подслушивать. «Хронос» был не коллайдером, а сверхчувствительным стетоскопом, приложенным к грудной клетке пространства-времени. Он должен был не разрушать, а стабилизировать. Услышать ритм и подстроиться под него, свернув с кольцевой дороги на грунтовку, ведущую в лесистые холмы. Городской шум сменился шелестом сосен под лёгким ветерком. По радио заиграла негромкая инструментальная музыка. Марк приоткрыл окно. Ворвался запах хвои, влажной земли и — что-то ещё. Слабый, едва уловимый запах гари. Наверное, где-то вдалеке жгут траву, — подумал он, отмахнувшись. Его мысли уже были там, внизу, в титановой утробе «Арки». Снова мысленно прокручивал последовательность запуска, проверял контрольные точки. Последняя проверка герметичности капсулы,

калибровка квантовых датчиков, загрузка алгоритма стабилизации Не зная, что этот слабый запах гари не имеет к палам травы никакого отношения. Что он идёт от тысяч километров отсюда, где чадящими факелами горят вышедшие из-под контроля нефтяные вышки в Персидском заливе после серии «необъяснимых» подземных толчков. Что солнечная активность и эксперименты в ЦЕРНе — всего лишь фон, статический шум на пороге. А главный сигнал, тихий и невероятно мощный, уже проходит сквозь толщу планеты, и его-то и ждал сам того не ведая, его «Хронос». Как стетоскоп, приложенный к горлу планеты за секунду до...

Подъезжая к КПП, показал пропуск, сканировал сетчатку глаза. Охранник, знакомый дядька Валера, кивнул ему: — Заходите, Марк Сергеевич. День-то сегодня какой важный. Его ждала «Арка». Его ждал «Хронос». И мир который он только, что проехал, был скандинавской ходьбы, детских истерик, налоговых поправок и солнечных бурь — этот мир ждал своего последнего, абсолютно обычного дня. Ещё не знал, что ужина с творожной запеканкой не будет, что через несколько часов запах гари станет всепоглощающим, а музыка по радио сменится на пронзительный, неумолчный сигнал гражданской обороны. Свернул на кольцевую дорогу, ведущую за город. Зелёные массивы сменились промзоной, а затем и вовсе уступили место холмистой, почти безлюдной местности. Его «Арка» была тщательно спрятана. Со стороны это выглядело как заброшенная геологоразведочная станция: несколько подтрёпанных ангаров, вышка, забор с колючей проволокой. Ничего примечательного. Марк въехал на территорию, проехал мимо ангаров и направился к самому неприметному, низкому зданию из серого бетона. Гараж. Внутри он заглушил двигатель, прошёл к задней стене, где казалось ничего не было. Ещё одно сканирование — и часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая вход в лифт. Стальная кабина понесла его вниз. Дисплей показывал глубину: -100 м, -200 м, -500 м Воздух становился прохладнее, пахнул озоном и антисептиком. Здесь, под сотнями метров скальной породы, был его детище.

Лифт, уносивший его вниз, был капсулой между мирами. Между тем, где пахло хвоей и детским смехом, и этим — стерильным, вечным «сейчас». Лёгкий толчок. Глубина: -515 метров. Двери раздвинулись беззвучно. — А я уже думал, ты решил объявить сегодня выходным и отправиться с семьёй кормить тех самых уток. Голос Игоря Волкова, сухой, с неизменной примесью сарказма, встретил его раньше, чем Марк успел сделать шаг. Друг и коллега сидел в кресле с вращающейся спинкой перед главным кластером терминалов. На огромном, во всю стену, основном экране мирно колыхались трёхмерные модели магнитных полей «Хроноса» — сложные, похожие на синие клубки света мандалы. — Утки подождут, — отозвался Марк, сбрасывая пиджак на ближайшую стойку. Холодок титанового бункера сразу пробрал его сквозь рубашку. — А это нет. Что по показателям? — Все системы зелёные. «Яйцо» в тонусе, — Игорь кивнул в сторону стеклянной перегородки в глубине зала. За ней, в свете прожекторов, стоял «Хронос» — сигарообразная капсула из матового, почти чёрного композита. Он выглядел безжизненно и мирно, как спящая акула. — Процессор прогнал финальный симуляционный цикл. Погрешность в расчётах квантовой стабилизации — 0.0003%. Лучше, чем мы надеялись. Марк подошёл к своему терминалу, коснулся поверхности. Голографический интерфейс всплыл под пальцами отзвываясь лёгкой вибрацией. Пролистывая отчёты: давление в буферных камерах, температура сверхпроводящих магнитов, заряд энергохранилищ. Всё было идеально. Слишком идеально. Перед великими открытиями, как и перед великими катастрофами, обычно так и бывает — тишина, порядок, предвкушение. — Но? — спросил Марк, не отрываясь от экрана. Он знал Игоря. Тот «но» всегда висело в воздухе, даже когда всё было хорошо. — Но есть кое-что поинтереснее наших игрушек, — Игорь повернулся к нему. На его обычно насмешливом лице была непривычная сосредоточенность. Провёл пальцем по воздуху, и на основной экран выплыла карта мира. — Смотри. Геостанции. От Камчатки до Антарктиды. За последние 48 часов — серия точечных импульсов. Не землетрясений. Это точечные выбросы колоссальной энергии в литосферу. Как будто кто-то втыкает в планету

раскалённые спицы. Марк вгляделся в метки, вспыхивали в самых разных местах без видимой логики. Не вдоль тектонических разломов, а как попало. В середине Сибири. В центре Австралии. Посреди Атлантики. — Координаты точные? Может, сбой датчиков? Взрывы?

— Координаты точны. Это не взрывы — сейсмографы фиксируют не ударную волну, а именно энергетический всплеск с последующим резким затуханием. Как пульс. И это, Марк, ещё не всё. Игорь сменил карту. Теперь на экране вибрировали разноцветные полосы — данные со спутников мониторинга ионосферы. — Возмущения. Не солнечного происхождения. Волны, расходящиеся из тех же эпицентров, что и подземные импульсы. Но идут они вверх. Как будто спицы протыкают планету насквозь и бьют в небо. Марк почувствовал, как по спине пробежал тот самый холодок, не имеющий отношения к климат-контролю «Арки». Подойдя ближе, почти уткнувшись носом в голограмму. — Совпадение по времени с нашими испытаниями? — Первый импульс был зафиксирован за три часа до начала нашей финальной фазы зарядки. Но вот что интересно — Игорь вызвал график. На нём две кривые — активность их квантового стабилизатора (плавная синусоида) и «иглы» гео-импульсов (острые, редкие пики). — Частота. Она не совпадает, но они резонируют. Как будто наш стабилизатор — камертон, а планета — гитарная струна. Мы тихонько бьём, а где-то на другом конце континента струна рвётся с воплем. Металлическая тишина зала вдруг стала давящей. Гул генераторов превратился в настойчивый шум в ушах. — Это невозможно, — тихо сказал Марк, отступая от экрана. — Наши энергии смехотворны в планетарном масштабе. Мы капля в океане. — Согласен. Знает, это не мы. Но это что-то реагирует на нас. Или мы на него. — Игорь закурил электронную сигарету, что было строжайше запрещено в зале. Голубоватый дымок заструился в свете голограмм. — Создаётся впечатление, Марк, что мы тут, в своей песочнице, нечаянно ткнули палкой в муравейник. А муравейник оказался ну, не совсем муравейником. В этот момент раздался резкий, отрывистый сигнал внутренней связи, заставив обоих вздрогнуть. На экране связи всплыло лицо дежурного офицера безопасности, Валерия. Обычно невозмутимое, сейчас оно было бледным. — Доктор Седов, доктор Волков. К вам вниз запрашивает экстренный доступ доктор, Седова Анжелика Викторовна. Говорит, критически срочно. У неё нет полного допуска, но Лёд, уже вравшийся по жилам Марка, сомкнулся где-то в районе сердца. — Пропустите её! Немедленно! — его голос прозвучал хрипло, сорвавшись. Обменялся с Игорем одним быстрым взглядом. В нём не было вопроса, только одинаковое стремительно нарастающее предчувствие катастрофы. Анжелика здесь? Сейчас? Это могло означать только одно — в её мире, мире белков и цепочек РНК, произошло что-то из ряда вон выходящее. Что-то, заставившее её нарушить все протоколы. Казалось, прошла вечность, хотя на самом деле — не больше четырёх минут. Лифт снова ожил. Двери открылись. Анжелика вышла не шагом, а почти выпала в зал, была не в своём лабораторном халате, а в лёгкой ветровке и джинсах, волосы выбивались из небрежного хвоста. Лицо — белое, как стены «Арки». В руках она сжимала планшет так, будто это был последняя надежда в бушующем море. — Марк — её голос был чужим, сдавленным. Увидев Игоря, кивнула ему, но говорила глядя только на мужа. — Это «Прометей». Штамм. Марк шагнул к ней, забыв про графики и резонирующую планету. — Что с ним? Говори. — Прометей вышел из-под контроля, начал мутировать, собираться в неизвестное. — Анжелика говорила отрывисто, выстреливая фразами, как пулями. — Мы изолировали его в биобезопасный бокс четвёртого уровня. Полный вакуум, электромагнитный экран, свинцовые стенки. Никаких внешних сигналов. Прометей должен был зачахнуть. А он — она тряхнула планшетом, активируя запись, и протянула его Марку. На экране вилась причудливая трёхмерная модель вирусной частицы. Она пульсировала, меняла форму, но не хаотично. В её трансформациях была чёткая, пугающая логика. — Смотри на активность РНК, — прошептала Анжелика. — Синтезирует белки, которых нет в его исходном геноме. Белки для которых у него нет матрицы. Это всё равно, что принтер начал печатать самостоятельно набирать текст, на который его никто не запрограммировал. И текст этот — она перевела дух,

— имеет структуру. Повторяющиеся последовательности. Как код. Игорь подошёл, заглянул через плечо Марка. — Может, загрязнение образца? Вирус-сателлит? — Нет! — Анжелика почти крикнула, потом сжала кулаки пытаясь взять себя в руки. — Мы проверили всё, это Прометей, делает это волнами. С интервалом — она посмотрела на основной экран с картой импульсов, и её лицо исказилось пониманием, ещё более страшным, чем паника. — С интервалом, синхронным с вашими гео-всплесками, Игорь. Он меняется, когда вы там, используете пробные запуски. Как будто кто-то передаёт ему обновления по воздуху. Сквозь вакуум и свинец. Тишина, воцарившаяся после её слов, была самой громкой какую Марк когда-либо слышал. В ней звучал гул генераторов, биение собственного сердца и тихий, настойчивый шёпот неопровержимых данных, складывающихся в картину такого безумия, что разум отказывался её принимать. Геологические импульсы, бьющие сквозь планету. Вирус, перепрограммируемый невидимым сигналом. И их «Хронос», чей квантовый стабилизатор, казалось, служил катализатором или антенной для этого, этого чего? — Это не мы, — снова уже в который раз сказал Марк, но в его голосе не было уверенности. — Мы не можем — Не важно, можем или нет! — перебила Анжелика. Её глаза горели. — Важно, что это есть. И если «Прометей» вышел из под контроля в максимально изолированных условиях что он делает снаружи? В воздухе? В воде? Что он уже сделал за эти двое суток? Её вопрос повис в воздухе, острый и ядовитый. И в этот самый момент, будто в ответ на него, мир снаружи — тот мир уток, детских садов и солнечного утра — начал гаснуть. Сначала погасла картинка с одной из многочисленных камер наружного наблюдения, транслируемая на второстепенном мониторе. Просто стала чёрной. Потом ещё одна. Потом на основном экране, поверх карт и графиков, запрыгали, накладываясь друг на друга, обрывки новостных трансляций. «повторяем экстренное сообщение! В районе Марианской впадины зафиксирована вспышка неизвестной природы» «массовые отключения связи по восточному побережью» «неопознанные объекты в атмосфере над» Картинки менялись, дёргались, пропадали в снегу помех. Лица дикторов были искажены ужасом. А потом на всех каналах разом, прервав всё, возникло одно и то же изображение. Не новостная студия. Тёмный фон. И на нём — ровный, безличный текст идущий строкой за строкой на всех языках одновременно: «ОБНАРУЖЕН СИСТЕМНЫЙ СБОЙ: ПРОТОКОЛ «ЗЕМЛЯ». ИНИЦИИРОВАНА АВАРИЙНАЯ ПРОЦЕДУРА ОБНУЛЕНИЯ. ДЕГРАДАЦИЯ БИОСФЕРНЫХ ПРОЦЕССОВ НЕОБРАТИМА. ПРИЧИНА: КОНТАМИНАЦИЯ. ВРЕМЯ ДО ПОЛНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: 01:47:33.» И под этим — как приговор, как стук метронома на эшафоте — начался обратный отсчёт. 01:47:32. 01:47:31. В центре управления «Арка», в его титановой непробиваемом бункере, трое учёных стояли, окаменев, и смотрели на цифры отсчитывающие последние часы их мира. Первым пошевелился Игорь, медленно будто против воли поднял руку и указал на монитор камеры. Туда, где ещё минуту назад был зелёный склон холма, залитый солнцем. Теперь свет на улице был иным. Не ясным утренним, а тусклым, медно-красным. Как будто где-то за горизонтом запыхал гигантский пожар, окрашивая небо в цвет запёкшейся крови. И тогда до них, сквозь метры скальной породы, донесся первый отдалённый протяжный вой сирен гражданской обороны. Не одной, а многих, с разных сторон. Был едва слышен, словно призрачный плач умирающего гиганта. Марк посмотрел на Анжелику, в её широко раскрытых глазах видел не ужас. А увидел то же, что бушевало сейчас в нём самом, холодное, стремительное, нечеловеческое вычисление. Учёный получивший финальные данные. — Школа, — выдохнула она одним лишь движением губ, тут же её лицо застыло, превратилось в маску решимости страшной и абсолютной. Она развернулась и побежала к лифту. — Анжелика! — крикнул Марк, но она уже не слышала, или не хотела слышать. Лифт забрал её. Двери закрылись. Оставаясь один с Игорем, с тикающими цифрами конца света и с гладкой, холодной капсулой «Хроноса», которая внезапно перестала быть экспериментом и превратилась в единственную, чудовищную по своей цене, лазейку. — Марк — начал Игорь, но голос его сорвался, смотря на экран, где отсчёт показывал 01:44:05. — Что

что это было? Кто «они»? Марк не ответил, подойдя к главному пульту. Его пальцы, которые всего несколько часов назад касались тёплой кожи жены, теперь легли на холодное стекло голографической панели, обернувшись посмотрел в монитор на багровое неестественное небо. Там, за холмом, в двадцати минутах езды, была школа. Там были Алиса и Тим. Глубоко с усилием вдохнул стерильный воздух бункера отдавая приказ. Голос его был ровным, металлическим лишённым чего бы то ни было, кроме воли. — Игорь. Активируй протокол «Последний Рубеж». Цель — максимальный хронологический сдвиг. Куда угодно. Лишь бы «после». Готовь всё. У нас — он взглянул на таймер, — один час сорок три минуты до того, как здесь не останется ничего живого. Игорь, бледный, кивнул. Его руки уже летали по клавишам, вызывая на экраны новые схемы, кривые аварийной активации. А Марк стоял и смотрел, как цифры на экране, отсчитывающие время до «полной дестабилизации», меняются с неумолимой, простой скоростью. 01:43:58. 01:43:57. Думая о тёплой коже под своими ладонями в предрассветной темноте. О смехе детей за завтраком. О запахе сирени за окном автомобиля. Первый час конца света только начинался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.